

346

Давид ХАИТ

ОДНА СЕМЬЯ

Накатчик граверного цеха Кузьмин работает на Трехгорке шестьдесят лет. Его помнят несколько поколений. И сам он — живая история фабрики, превратившейся из прохоровского владения в крупный комбинат. Все сыновья Кузьмина работали на Трехгорке граверами и раклистами. Они выросли, и Рочдельская улица, на которой живет отец, давно стала неузнаваемой.

Война вошла в дом внезапно, и дни стали непохожими один на другой. Каждый час вносит неожиданное в судьбу семьи.

Вот к дому подкатила машина. Из нее вышел высокий человек в военной гимнастерке с медалью «20 лет РККА». Быстрыми шагами поднялся по лестнице, к двенадцатой квартире.

Это сын Кузьмина Сергей, полковник. В квартиру он вошел, как всегда, шумно, и даже по звонку можно было догадаться о его приходе: мгновенная резкая трель.

— Еду на фронт!

И тотчас же залутил старик. Глаза его остро блеснули из-под нависших бровей, и руки проворно обхватили сына. Щеки загорелись румянцем, точно вернулась к старику молодость.

— Езжай! — сказал он, быстро одеваясь. — Бей их. До конца.

Он подумал о том, что и Сергей в ранней молодости был раклистом. Стоял у машины, где вертелся вал, отпечатывающий веселый рисунок по ситцу. Это было еще при Прохорове. Переменилось время, и Сергей поступил в Ленинградскую военную академию. Вчера он еще преподавал тактику, сегодня уезжает на фронт.

На вокзале, куда Кузьмин пришел с женой Лидией Ивановной, гремел военный оркестр. На путях стоял воинский состав. Паровоз дышал горячо, окутанный паром, как облаком. Пришла и семья Сергея. Ириша, студентка института иностранных языков, принесла отцу, уезжающему на фронт, букет живых цве-

тов. Лицо ее серьезно. Видно, что девушка всем сердцем осознала суровое величие момента. И даже Алик и Нюся, совсем маленькие, провожая отца, при-смিরели.

Старик Кузьмин поцеловал сына и сказал, шевеля лохматой бровью:

— За меня не тревожься. Будем драться, бить. Я — здесь, ты — там. Я — за станком, ты — на позиции.

Поезд, набирая скорость, прохоча и звеня, двинулся на фронт.

Дома старика ждала теща, мамма. Сын Николай, живший до войны в Г., сообщал, что сейчас срывается в ряды Красной Армии. Он также был раклистом. Телеграмма была бодрой, вывавшаяся словом, неизменным на советских людей: «Разобьем».

Это слово звучит сейчас как пароль. Каждое утро, уходя в цех, старик обещает самому себе перевыполнить норму. За накатным станком рождается узорчатый ситец, и, если плох ролик на валу, будет плохим и ситец. Это помнит Кузьмин особенно сейчас, в эти дни, когда родина требует высшей дисциплинированности от каждого, независимо от возраста, ибо нет сейчас различия между фронтом и тылом. И вот Кузьмин перевыполняет норму выработки, доводя ее до 200—250 процентов.

— Я — здесь, ты — там! — твердит он, стоя за станком.

С первого дня войны старик не виделся с третьим сыном Дмитрием. Тот живет в Щелкове, где работает на текстильной фабрике техником по крашению. Старик собрался в Щелково, но каждый час менялся этот план. Время его стало упругим, сплошь заполненным работой и домовым дежурством. Не удалось съездить в Щелково. И вдруг Дмитрий ворвался в цех. Пришел, одетый по-военному, с походной сумкой, перетянутой ремнями, и сказал так же кратко, как Сергей: на фронт! Отец попрощался с ним тут же, в цеху.

В Москве остался лишь старший сын Кузьмина Алексей, железнодорожный инженер. Седина давно засверкала в его волосах, но лицо румяное, как у отца. Он продолжает работать в НКПС, в Москве. Пока никуда не уехал, но в нем, как и в других, с первого дня войны появилась решимость, та готовность ко всему, какая заметна сейчас в наших людях.

— Если нужно, — немедленно пойду! — говорит он. — Какие разговоры? Война!

Широкие плечи его вдрагивают, и шаги становятся крепкими, уверенными, точно он шагает уже в строй.

Жизнь еще одного мужчины из большой кузьминской семьи изменилась. Это — зять, муж дочери Лидии. Он пошел в народное ополчение вместе с оркестром вахтанговского театра, где работает музыкантом. Он сменил скрипку на винтовку. Пройдет война, и скрипка заиграет весело и бодро, как играла недавно.

С дочерью Лидией, артисткой Театра им. Ленинского комсомола, по сцене — Рюминой, старик виделся в эти дни мельком. Она выступает на участках, на агитпунктах перед бойцами, всюду, где требуется ее искусство. Вся кузьминская семья, отразившая в себе маленькую частицу страны, поднялась, пошла на защиту родины, чтобы снова жить счастливо. Счастье это было добыто боями, и защищено оно будет боями.

И лишь об одном сожалеет сейчас старый рабочий Кузьмин. Ночью, стоя на посту у ворот своего дома, он сокрушенно думает о том, что прошла его молодость.

— Трех сыновей послал на фронт! — говорит он, стоя с сумкой, в которой лежит противояз. — Пошлю и четвертого, если нужно будет. А сам вот — стар. Глаза мои плохо видят. Семьдесят четвертый пошел. Был бы я помоложе! Дрался б до конца.